

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Ричард Болдуин

Великая конвергенция: информационные технологии и Новая глобализация

БОЛДУИН Ричард (Baldwin, Richard) — профессор в области международной экономики в Женевском институте международных отношений; директор Центра исследований в сфере экономической политики. Адрес: Швейцария, 1202, Женева, ул. Эжен-Риго, д. 2.

Email: richard.baldwin@graduateinstitute.ch

*Перевод с английского
Олега Левченко*

Публикуется с разрешения
Издательства
Института им. Е. Т. Гайдара

Представляемая книга посвящена глобализации, характер которой, по мнению Ричарда Болдуина, фундаментально изменился в 1990-е гг. благодаря кардинальным преобразованиям в коммуникационных технологиях, приведшим к удешевлению стоимости распространения идей. Этот скачок ознаменовал начало новой стадии развития глобализационных процессов и послужил причиной перестановок на мировой арене, а именно сближению развитых и развивающихся государств. Книга состоит из пяти глав, в которых излагаются история глобализации, её экономика и выработка национальными государствами экономической политики в отношении глобализации, а также предлагается прогноз её будущего.

Журнал «Экономическая социология» публикует «Введение» («Introduction») к книге, в котором автор раскрывает замысел своего произведения. Он обосновывает свой новый, авторский взгляд на глобализацию, описывая три последовательных процесса, содействующих её ускорению: снижение стоимости распределения в пространстве товаров, сокращение затрат на коммуникацию и удешевление перемещения людей. В дополнение автор подытоживает, каким образом перечисленные изменения в характере глобализации трансформируют национальные экономики.

Ключевые слова: глобализация; информационные технологии; национальная экономика; инновации; рост цен; экономическая политика.

Введение

Эта книга призвана изменить мнение читателя о глобализации. Главное утверждение автора состоит в том, что примерно в 1990-е гг. революционные сдвиги в коммуникационных технологиях фундаментальным образом изменили характер глобализации. Логика того, как революция в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) преобразовала глобализацию и её планетарную роль, весьма проста, но для её понимания требуется некоторый багаж исторических знаний. Начнём с изложения ряда фактов.

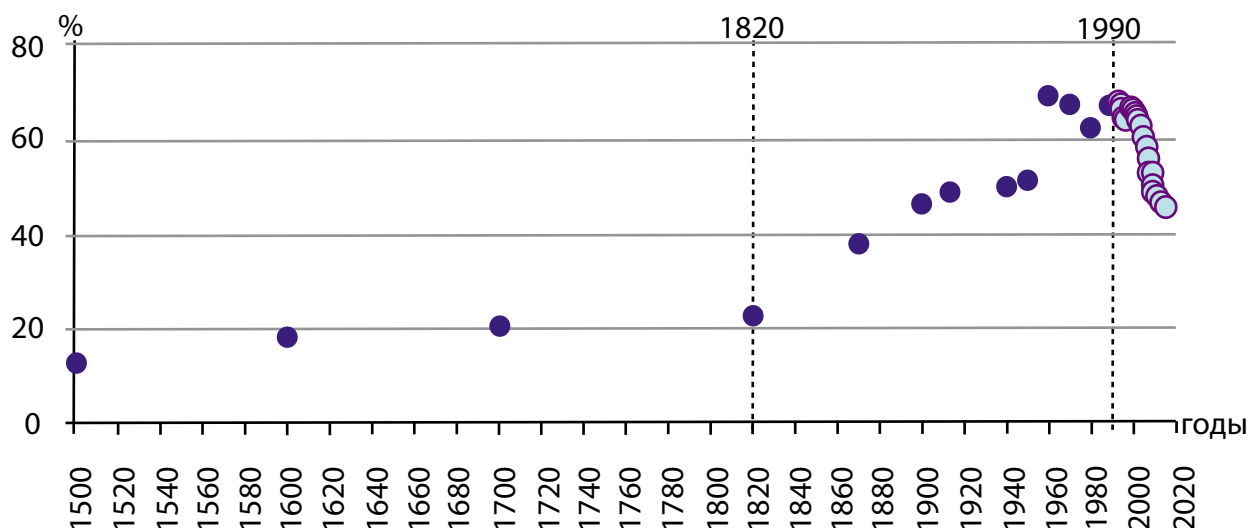
Большой скачок вперёд глобализация совершила в начале 1800-х гг., когда энергия пара и всеобщий мир привели к снижению расходов на пере-

¹ *Источник:* Болдуин Р. (готовится к изданию) Великая конвергенция: информационные технологии и Новая глобализация. М.: Издательство Института им. Е. Т. Гайдара. Перев. с англ.: Baldwin R. 2016. *The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization*. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press.

мещение товаров. Второй скачок глобализация совершила в конце XX века, когда информационно-коммуникационные технологии радикально уменьшили стоимость перемещения идей. Эти два скачка — назовём их «Старая глобализация» и «Новая глобализация» — имели с точки зрения экономической географии совершенно разные последствия (см. рис. 1).

С начала XIX века снижение торговых издержек вызвало новый виток в развитии экономики, коммерции и промышленности, который привёл к одному из самых драматичных поворотов в судьбе человечества. Древние цивилизации Азии и Ближнего Востока, четыре тысячелетия доминировавшие в мировой экономике, менее чем за 200 лет были оттеснены современными богатыми государствами. Этот процесс, который историки окрестили «Великое расхождение» («Great Divergence»), объясняет, каким образом столь многие рычаги экономической, политической, культурной и военной мощи оказались в руках столь немногих государств.

С 1990-х гг. этот тренд кардинально поменялся; плоды векового роста богатых экономик были отменены всего за два десятилетия. Сегодня доля богатых стран в мировом хозяйстве вернулась на уровень 1914 г. Несомненно, эта тенденция, которую можно назвать «Великой конвергенцией», стала доминирующим фактом экономической жизни последних двух-трёх десятилетий. Именно он вызвал большую часть антиглобалистских настроений в богатых странах и во многом порождает растущую самоуверенность «развивающихся рынков».

Источник: World Bank DataBank (ВВП в долларах США) и данные «проекта Мэддисона» за период до 1960 г. (с расчетами автора), URL: <http://www.ggd.net/maddison/maddison-project/home.htm>; версия 2009 г. взята ввиду того, что версия 2013 г. не содержит показателей мирового ВВП (далее версия 2009 г. упоминается в ссылках как *Maddison database*).

Примечание: Современная глобализация, начавшаяся в 1820-е гг., была связана с процессами ускоренной индустриализации нынешних богатых экономик, представленных на схеме странами так называемой «большой семёрки», или Группой из семи стран (Group of Seven), сокращённо — G7 (США, Германия, Япония, Франция, Великобритания, Италия и Канада). В итоге возникла самоподдерживающаяся спираль инноваций, хозяйственного роста и территориальной концентрации производства, приведшая к эпохальному сдвигу в мировой экономике. Примерно в 1820–1990-е гг. доля «большой семёрки» в мировых доходах резко увеличилась — с одной пятой до почти двух третей.

С середины 1980-х гг. движение вверх по спирали прекратилось, а в 1990-е гг. сменилось на обратное. В последние десятилетия доля стран Большой семёрки в мировой экономике сокращалась быстрыми темпами. Сегодня эта доля вернулась на уровень, впервые достигнутый этими странами в начале XIX века.

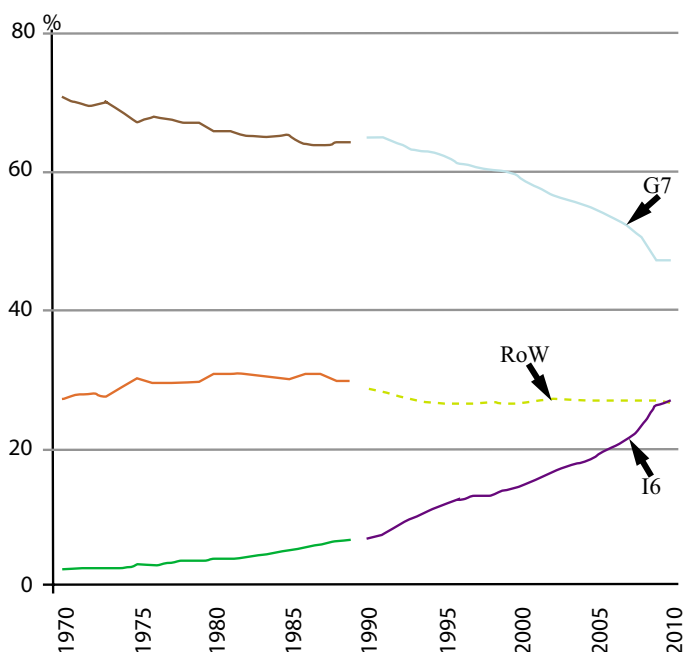
Этот резкий сдвиг в соотношении сил (*shocking share shift*) свидетельствует о том, что в 1990-е гг. характер глобализации радикально изменился.

Рис. 1. Изменение характера глобализации в 1990-е гг.: быстрый сдвиг в соотношении сил национальных экономик

Резкий сдвиг в соотношении сил, отображенный на рисунке 1, сопровождался переменами в сфере промышленного производства. Сегодняшние богатые страны, чья доля в мировом выпуске начиная с 1970 г. снижалась постепенно, после 1990 г. переживают процесс её ускоренного падения (см. рис. 2).

Любопытно, что сокращение доли «большой семёрки» в мировом хозяйстве обернулось ростом экономики в очень немногих странах. С 1990 г. расширение доли в мировом производстве более чем на три десятых процентного пункта зафиксировали лишь шесть развивающихся экономик (на рисунке 2 они помечены как «I6» — сокращение от «Industrializing Six»). Любопытным является именно то, что эффект оказался столь узкосконцентрированным.

Почему сегодня, когда дешёвые средства транспорта и коммуникаций доступны столь широкому кругу стран, в географическом плане эффект от глобализации оказался столь узким? Ответ на этот вопрос требует более объёмного взгляда на глобализацию.

Источник: UNSTAT.org.

Примечание: Перераспределение мирового производства было почти таким же резким, как сдвиг в соотношении сил, отображенный на рисунке 1. Примерно с 1990 г. сокращение доли «большой семёрки» ускорилось, и теперь эта доля составляет менее 50%.

От снижения доли «большой семёрки» выиграли лишь шесть развивающихся экономик, которые я назвал «шестёрка стран, проводящих индустриализацию» («Industrializing Six»), или сокращённо I6 (Китай, Южная Корея, Индия, Польша, Индонезия и Таиланд). На долю остальных экономик в объёме мирового производства (на графике помечено как Ro W) эти изменения почти не повлияли. Отметим, что основным рекордсменом здесь является Китай, доля которого в мировом производстве (отдельно не показанная) выросла с 3% до почти одной пятой от общего объёма.

Рис. 2. Снижение доли богатых стран в мировом производстве, приведшее к выигрышу шести развивающихся экономик

Более объёмный взгляд на глобализацию

Во времена, когда транспортировка грузов осуществлялась лишь силой ветра (на парусных судах по морю) или мускульной силой (на тягловых животных по суше), перевозить с выгодой можно было немногие товары, причём на короткие расстояния. Поскольку люди были ограничены в средствах передвижения, производство стало заложником потребления. Иными словами, производство было насильственно привязано к потреблению.

Таким образом, глобализацию можно считать постепенным ослаблением этой насильственной привязки, которая была обусловлена, однако, не только транспортными издержками. Важными являлись три вида затрат — на перемещение товаров, на перемещение идей и на перемещение людей. Этими затратами определяются, на наш взгляд, и три ограничения, препятствующих территориальному разъединению производства и потребления.

Один из моих главных тезисов сводится к тому, что для понимания эволюционного характера глобализации нужно чётко различать три вида затрат, формирующих это разъединение. И хотя с начала XIX столетия затраты на перемещение товаров, знаний и людей сократились, происходило это не сразу. В первую очередь резко снизились транспортные расходы, и лишь полтора века спустя — коммуникационные. Что касается перемещения людей, то и сегодня этот процесс остаётся весьма дорогостоящим.

Осознать, почему столь важна такая последовательность, нам поможет новый взгляд на глобализацию с точки зрения (формулируемых автором) «трёх последовательных ограничений» (*«three cascading constraints»*). Чтобы легче усвоить этот новый взгляд, нам полезно будет совершить краткий экскурс в историю.

Мир, каким он был до глобализации, и первое её ускорение

В том мире, каким он был до глобализации, расстояния изолировали людей и производство до такой степени, что мировая экономика представляла собой «лоскутное одеяло» из разрозненных сельских общин. Однако со снижением затрат на перемещение товаров ситуация начала меняться. По ходу процесса, который дал толчок Промышленной революции (а затем сам поддерживался ею), транспортные технологии совершенствовались.

С упрощением международной доставки грузов всё больше людей начинали потреблять заморские товары. За завтраком англичанин среднего достатка, намазав слой джема на ломтик пшеничного хлеба, выпеченного из американской муки, прихлёбывал китайский чай, подслащённый ямайским сахаром. Всё это подавалось на стол, покрытый скатертью из индийского хлопка. Началом такой потребительской благодати двое экономистов, Кевин О'Рурк из Оксфорда и Джефф Уильямсон из Гарварда, считают 1820-е гг. В статье 2006 г. «Globalization: The Great Unbundling(s)» («Глобализация: Великое разъединение(я)») я трактую это разделение процессов производства и потребления как Первое разъединение в рамках глобализации [Baldwin 2006].

Если доставка товаров подешевела, то затраты на перемещение идей и людей снизились гораздо меньше. Такое неравномерное снижение затрат, связанных с упомянутым разъединением, породило цепочку причин и следствий, в итоге приведших к огромной разнице в доходах между сегодняшними развитыми странами (для краткости называемых «Север») и развивающимися странами (условно — мировой «Юг»). Во-первых, расширение рынков было явлением глобальным, а концентрация промышленности — локальным. Исторически сложилось так, что промышленность сконцентрировалась на мировом Севере. Происходившие здесь процессы индустриализации способствовали развитию инноваций, но поскольку перемещение технических идей стоило дорого, инновации оставались достоянием мирового Севера. В итоге здесь раньше и быстрее, чем где бы то ни было, начался современный, движимый инновациями рост экономики. Всего за несколько десятилетий вскрывшиеся различия в темпах хозяйственного роста привели к шокирующей асимметрии в доходах между Севером и Югом, которая и ныне определяет экономический ландшафт планеты. Великое расхождение стало результатом сочетания низких торговых издержек и высоких коммуникационных затрат.

Второе ускорение глобализации, или Второе разъединение

Второе ускорение глобализации произошло в 1990-е гг., когда революция в сфере ИКТ радикально снизила цену перемещения идей. Это стало следующей фазой глобализации (назовём её Вторым разъединением, ибо она приводит к международному разъединению промышленных предприятий). В частности, радикальное улучшение средств связи позволило дистанционно координировать сложные технологические процессы. С появлением такой возможности разрыв в оплате труда между Севером и Югом, возникший в ходе Первого разъединения, сделал подобную координацию экономически оправданной.

Перенос ряда производств в страны с низким уровнем оплаты труда изменил характер глобализации, но не только в связи с тем, что рабочие места переместились за границу. Желая, чтобы вынесенные туда стадии производства входили «без зазора» в отечественную стоимостную цепочку, фирмы из развитых стран, помимо оборудования, направляли за рубеж маркетинговую, управленческую и техническую экспертизу. Как следствие, Второе разъединение, иногда называемое революцией глобальных стоимостных цепочек (*global value chain revolution*), поменяло мировые потоки распределения знаний. Всё чаще уровень конкурентоспособности промышленной продукции определяется не границами национальных государств, а контурами международных производственных сетей.

Объяснить столь радикальную перемену характера глобализации поможет аналогия из области спорта. Представьте, что два футбольных клуба планируют обмен игроками. Если обмен произойдёт, то выиграют обе команды: каждая получит игрока того типа, который ей действительно нужен, в обмен на игрока, в котором она нуждается меньше.

Теперь рассмотрим другой вид обмена. Предположим, что по выходным тренер лучшей команды начнёт тренировать отстающую команду. В результате более конкурентоспособной становится вся лига в целом, а худшая команда, безусловно, прогрессирует. Однако я не уверен, что лучшая команда выиграет от подобного обмена, даже если её тренер сможет выгодно продавать свои знания двум командам сразу.

Параллели с глобализацией очевидны. Если Старая глобализация может рассматриваться как обмен игроками, то Новая глобализация больше похожа на обучение нескольких команд, где в роли тренера выступают фирмы, выводящие производство за рубеж.

Иначе говоря, основанный на передовых ИКТ вывод производства за рубеж сформировал промышленную конкурентоспособность нового типа, сочетающую знания (ноу-хау) «большой семёрки» с трудовыми ресурсами развивающихся стран. Поскольку эта комбинация высоких технологий с низкой заработной платой оказалась мировым достижением, упрощённое перемещение идей породило массовый переток ноу-хау с Севера на Юг. Именно эти новые потоки знаний делают Новую глобализацию столь отличной от Старой глобализации.

Любопытная концентрация эффектов глобализации и резкий рост цен на сырьевые товары

Важно отметить, что владельцами технологий остаются фирмы из стран G7, поэтому новые потоки знаний с Севера на Юг нельзя считать «аукционом неслыханной щедрости». Богатые страны направляют свои ноу-хау бедным странам отнюдь не в приступе бескорыстия и человеколюбия. Фирмы стран G7 делают всё, чтобы их знания, вынесенные за рубеж, оставались в распоряжении корпоративных производственных сетей. Мы же, вооружённые концепцией трёх последовательных ограничений, понимаем, почему «экономическое чудо» случилось в столь немногих развивающихся странах. Испол-

зую спортивную аналогию, отметим, что Новая глобализация обеспечила результативность лишь тем «командам», тренировать которые взялась «большая семёрка». Однако почему эти «тренеры» предпочли столь узкий сегмент «спортивных команд»?

Ответ, на мой взгляд, кроется в затратах на перемещение людей, а не идей и товаров. Авиаационные тарифы сократились, однако по мере роста окладов менеджеров и специалистов издержки, связанные с перелётами (включая затраты времени), продолжили увеличиваться. Поскольку перемещение людей всё ещё сопряжено с большими затратами, а глобальным производственным сетям требуется движение специалистов по объектам, постольку фирмы, выносящие часть функций за рубеж, стремятся группировать производство на сравнительно немногих площадках. Опять же ради экономии на перемещении людей, площадки выбираются, как правило, ближе к промышленным кластерам в странах G7, особенно в Германии, Японии и США. Исключением является Индия, но это потому, что в международных производственных сетях эта страна в основном представлена видами услуг, для которых персональные контакты не столь важны.

Воздействие Второго разъединения на характер индустриализации ограничилось узким сегментом стран, зато Великая конвергенция оказалась (благодаря «эффекту домино») гораздо более масштабным явлением. Около половины населения Земли живёт в развивающихся странах, проводящих быструю индустриализацию, и теперь ускорившийся рост доходов спровоцировал в мире повышенный спрос на сырьё. Растущий спрос, в свою очередь, усилил циклическое подорожание сырьевых товаров, со временем обусловившее подъём во многих странах-экспортёрах, чья экономика прежде не входила в глобальные цепочки создания стоимости.

Следующее достижение глобализации: Третье разъединение

Концепция трёх последовательных ограничений, схематично отображённая на рисунке 3, явно предполагает возможность Третьего разъединения в случае сокращения затрат на перемещение людей — подобно тому, как в 1990-е гг. снизились затраты на координацию производственных операций. Спровоцировать такое снижение способны две технологические новации. Первая из них — эффективная альтернатива перемещению людей через национальные границы с целью обмена интеллектуальными услугами (*brain services*). Такие технологии, названные дистанционным присутствием (*telepresence*), не являются научной фантастикой. Они существуют уже сегодня, но стоят дорого. Второй технической новацией было бы создание эффективной альтернативы перемещению людей, специализирующихся в сфере ручного труда. Это направление зовётся дистанционной робототехникой (*telerobotics*) и предполагает, что люди, физически находящиеся в одном месте, управляют роботами, выполняющими операции в другом месте. Телеробототехника существует, но всё ещё обходится дорого, а сами роботы большой гибкостью пока не отличаются.

В ближайшие десятилетия эти факторы, вместе взятые, кардинально изменят характер глобализации. Они позволят специалистам, находящимся в одной стране, решать производственные задачи на территории другой страны, реально там не появляясь. Такая «виртуальная иммиграция» (или дистанционная занятость) могла бы кардинально расширить список рабочих мест, непосредственно открытых для международной конкуренции. Многие профессиональные (в том числе гуманитарные) задачи, возникающие в богатых странах, могли бы дистанционно решаться специалистами, живущими в бедных странах. В то же время это позволило бы жителям богатых стран намного шире применять свои знания и умения. Например, японские инженеры могли бы, находясь в Токио и управляя хитрыми роботами, ремонтировать оборудование японского производства, установленное в Южной Африке. Это новое соревнование (и (или) «окно возможностей») сулит удачу не всем специалистам; менее успешные из них вынуждены будут заняться чем-то другим.

Примечание: Во времена, когда последним словом техники были конные повозки и парусные суда, движение товаров, идей и людей оставалось весьма ограниченным. Экономическая жизнь большинства людей сводилась к хозяйствованию в масштабах деревенской общины (верхняя панель).

Паровые суда и железные дороги резко снизили издержки торговли на больших расстояниях, что позволило отделить производство от потребления в ходе Первого разъединения в рамках глобализации (средняя панель). Впрочем, ослабление транспортных ограничений не сделало мир единообразным — в том смысле, что остались коммуникационные ограничения и ограничения, связанные с необходимостью личных поездок. Действительно, даже если производство удалялось от потребителя, то оно концентрировалось на заводах и в промышленных зонах — в целях экономии не столько на торговых издержках, сколько на расходах по перемещению людей и координации технологических операций.

В странах, проводивших индустриализацию, концентрация производства стимулировала рост инноваций, но они — из-за дороговизны перемещения идей — оставались локальными. В результате соотношение между объёмом знаний и числом занятых (коэффициент «ноу-хау на одного работника») на Севере увеличивалось гораздо быстрее, чем на Юге. Это и привело, в конечном счёте, к гигантскому разрыву в доходах между Севером и Югом, известному как Великое расхождение.

Второе разъединение в рамках глобализации (нижняя панель) стало экономически оправданным тогда, когда прогресс ИКТ позволил организовать сложные производственные процессы вопреки разделявшим их национальным границам. С появлением этой технической возможности низкая цена труда в развивающихся странах послужила фирмам стран «большой семёрки» стимулом к выводу трудоёмких производств за границу. А поскольку такие производства должны были оптимально сочетаться с операциями, оставшимися в развитых странах,

фирмы переносили за рубеж не только рабочие места, но и свои ноу-хау. Таким образом, потоки знаний, ранее существовавшие только внутри предприятий в странах G7, стали ключевым фактором в процессе глобализации (на нижней панели отмечены горящими лампочками).

Новые потоки информации позволили немногим развивающимся странам провести индустриализацию в головокружительном темпе, что привело к массовому перемещению промышленности с Севера на Юг. Эта индустриализация Юга вместе с вызванным ею

циклическим ростом цен на сырьевые товары привела к ускоренному повышению доходов развивающихся экономик до беспрецедентного уровня. Результатом стал быстрый сдвиг в соотношении сил, показанный на рисунке 1.

Словом, революция в сфере ИКТ изменила характер глобализации и её воздействие на мировую экономику. До 1990 г. глобализация касалась главным образом трансграничного перемещения товаров; теперь она охватила также и ноу-хау, пересекающие государственные границы.

Рис. 3. Взгляд на глобализацию с точки зрения трёх последовательных ограничений

Третье разъединение в рамках глобализации (если таковое произойдёт) коснётся, вероятно, трудящихся одной страны, предоставляющих услуги другой стране (включая услуги, сегодня требующие физического присутствия). Иначе говоря, третье разъединение, скорее всего, позволит отделить (в буквальном смысле) процесс труда от самих трудящихся.

Новая глобализация: в чём её новизна?

Изменившийся характер глобализации воздействует на страны мира многочисленными новыми способами. Из них особо выделяются шесть способов, охарактеризованные ниже:

- *Новая глобализация и взгляд на национальные экономики сквозь более мощную оптику.* В XX веке глобализация привела национальные экономики к значительной отраслевой специализации. Таким образом, снижение торговых издержек помогло (в иных случаях — помешало) развитию целых отраслей, а также благополучию занятых в них работников. Напротив, глобализация XXI века происходит не только на отраслевом уровне; она затрагивает стадии производства и конкретные профессии. В результате воздействие глобализации становится всё более непредсказуемым.

В условиях Старой глобализации национальные экономики были способны выявлять свои «восходящие» и «нисходящие» отрасли; сегодня они этого сделать уже не могут. Теперь практически во всех отраслях мы видим «восходящие» и «нисходящие» профессии и стадии производства. В мире, где конкурентоспособность определяется фирмами, выносящими производство за рубеж, точно спрогнозировать, какие именно профессии и операции станут лишними в следующий раз, оказывается практически невозможным.

Кроме того, влияние Новой глобализации становится индивидуальным в том смысле, что выигравшие и проигравшие работники больше не группируются по отраслям и профессиям. Среди работников, занятых в одних и тех же отраслях и владеющих одинаковыми навыками, эффект глобализации может варьироваться. Один из экономистов Колумбийского университета, Джагдиш Бхагвати (Jagdish Bhagwati), назвал это явление «калейдоскопическая глобализация» (*kaleidoscopic globalization*) [Bhagwati 1997]. Какую бы работу вы ни выполняли и в какой отрасли ни были заняты, у вас нет гарантий, что завтра в результате глобализации ваша профессия не станет вовсе ненужной (или, наоборот, более востребованной).

Большее «разрешение оптики» имеет также важные политические последствия. Многие страны проводят политику, нацеленную на помощь устаревшим отраслям и профессиям, но «высокая степень разрешения», обусловленная глобализацией, делает эту политику слишком «обобщённой», чтобы можно было различить, кто конкретно от неё выигрывает;

- *воздействие Новой глобализации является более спонтанным и менее управляемым.* Время на часах Старой глобализации отмеривалось в годах, так как примерно столько времени требуется для снижения тарифов и улучшения транспортных средств. Новая глобализация имеет ускоренный характер, обусловленный удвоением объёма памяти, вычислительной мощности и пропускной способности ИКТ каждые пару лет. Как часто мы наблюдали в последние десятилетия, экспоненциальный рост сферы ИКТ способен за считанные месяцы сделать обыденными самые невероятные вещи.

Техническая природа ИКТ означает также, что Новая глобализация менее подконтрольна национальным правительствам. Законы физики облегчают контроль над потоком товаров в го-

раздо большей степени, чем над потоком идей. К тому же физические законы подкрепляются средствами политики. В конце концов, источником идей являются страны «большой семёрки», граждане которых сделали выбор в пользу открытости. Консервация масштабного (вызванного различиями в уровне знаний) «интеллектуального арбитража», сегодня движимого глобализацией, завтра будет практически невозможна;

- *Новая глобализация лишает национальные экономики их сравнительных преимуществ.* Компании в странах G7 используют «фирменные ноу-хау», комбинируя их с рабочей силой из стран с низкой оплатой труда. В условиях, когда фирмы по-своему сочетают конкурентные преимущества национальных экономик, эти последние перестают быть единственно возможной единицей экономического анализа. Сегодня пределы конкурентоспособности всё чаще определяются фирмами, которые управляют международными производственными сетями.

Иными словами, Первое разъединение сводилось к тому, чтобы позволить национальным экономикам лучше использовать свои сравнительные преимущества; Второе разъединение гораздо больше состояло в том, чтобы позволить фирмам повысить свою конкурентоспособность, комбинируя национальные источники сравнительных преимуществ;

- *Новая глобализация частично разрушила «смычку» рабочего класса с корпорациями в странах G7.* Когда технологии определялись национальными границами, международная дифференциация оплаты труда соответствовала международным технологическим различиям. Например, с прогрессом германских технологий повышалась и зарплата немецких рабочих. Второе разъединение частично отключает процесс балансировки технологии и заработной платы, а Новая глобализация приводит к тому, что немецкие рабочие перестают быть единственными бенефициарами технических достижений Германии. Отныне немецкие компании могут применять усовершенствованную германскую технологию в сочетании, например, с польской рабочей силой. То же относится к фирмам и рабочим во всех странах «большой семёрки»;

- *Новая глобализация изменила экономическую роль географических факторов.* Стандартное мышление трактует глобализацию в основном как трансграничное перемещение товаров. В этом контексте удвоение расстояний между рынками автоматически воспринимается как удвоение торговых издержек. Сегодня такая логика приводит к искажённому представлению о глобализации XXI века по одной простой причине: фактор расстояния по-разному влияет на стоимость перемещения товаров, идей и людей. Так, затраты на обмен идеями через Интернет близки к нулю и с увеличением расстояния почти не меняются. В отношении же перемещения людей существует разница между краткими поездками в места, куда можно добраться за сутки, и дальними поездками, требующими гораздо большего времени.

Это объясняет, почему ускоренная индустриализация удалась лишь нескольким развивающимся странам, хотя по отношению к бизнесу все они проводили в равной мере конструктивную политику. Проще говоря, по сравнению с успешно развивающимися странами неудачники могли находиться слишком далеко от Детройта, Штутгарта или Нагои;

- *Новая глобализация изменит мнение национальных властей о проводимой ими политике.* Экономическая политика в значительной мере основана на представлении о том, что конкурентоспособность — это национальное качество. В развитых странах политика, связанная с образованием и обучением (подготовка кадров к завтрашним задачам), а также налоговые льготы на разработку продуктов и процессов будущего нацелены на укрепление национальных источников конкурентоспособности. В развивающихся странах политика, определяющая уровень та-

моженных пошлин (защита отечественного производства) и стратегии развития (продвижение вверх по цепочке создания стоимости), основана на идее, что источники конкурентоспособности являются национальными.

В свете Новой глобализации эти политические соображения нуждаются в переосмыслении. Например, тот факт, что конкурентное преимущество перестало быть национальной особенностью, изменил выбор, с которым сталкиваются развивающиеся страны. В XIX и XX веках для того, чтобы добиться конкурентоспособности на мировом рынке, развивающиеся страны выстраивали всю стоимостную цепочку у себя дома. В наше время эти страны, чтобы стать конкурентоспособными, присоединяются к международной производственной кооперации и проводят индустриализацию, получая современные рабочие места в транснациональных цепочках создания стоимости.

Оборотной стороной процесса стало изменение способов повышения конкурентоспособности, доступных нынешним богатым странам. Фирмы, успешно конкурирующие на глобальном рынке, сочетают сравнительные преимущества национальных экономик и добиваются благодаря этому наивысшей рентабельности на локальном уровне. В наши дни фирмам и странам, не освоившим новых методов комбинирования сравнительных преимуществ, становится всё труднее противостоять конкурентам, уже взявшим такие методы на вооружение.

Подобно тому как обновлённый характер глобализации положил в богатых странах конец промышленной политике примитивно-националистического свойства, в бедных странах он упразднил политику развития в её традиционном понимании.

Дорожная карта для читателя

Предлагаемая книга состоит из пяти частей. В первой — с опорой на концепцию «соединения» и «разъединения» — кратко излагается долгая история глобализации. Эта история освещена в главах 1–3.

Часть II «Extending the Globalization Narrative» («Расширение глобализационного нарратива») состоит из двух глав. В главе 4 подробно изложены три последовательных ограничения. Всё то, что в Новой глобализации является подлинно новым, раскрывается в главе 5.

Часть III «Understanding Globalization's Changes» («О том, как меняется процесс глобализации») состоит из двух глав. В главе 6 экономика глобализации излагается схематично, «для чайников». Это сделано для того, чтобы в главе 7 объяснить, почему в период между Первым и Вторым разъединениями влияние глобализации изменилось столь радикально.

Часть IV «Why It Matters» («Почему это имеет значение») анализирует влияние Новой глобализации на выработку экономической политики. В частности, в главе 8 оценивается роль изменений в политике стран G7 относительно глобализации, а в главе 9 изменения оцениваются применительно к развивающимся экономикам.

Часть V «Looking Ahead» («Заглядывая вперёд») оправдывает своё название, предлагая некоторые догадки относительно будущего глобализации и того, что она нам сулит.

Литература

Baldwin R. 2006. *Globalization: The Great Unbundling(s)*. Finnish Prime Minister's Office. Economic Council of Finland. URL: http://graduateinstitute.ch/files/live/sites/iheid/files/sites/ctei/shared/CTEI/Baldwin/Publications/Chapters/Globalization/Baldwin_06-09-20.pdf

Bhagwati J. 1997. The Golden Age: From a Sceptical South to a Fearful North. *The World Economy*. 20 (3): 256–289.

NEW TRANSLATIONS

Richard Baldwin

The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization

BALDWIN, Richard —

Professor of International Economics at the Graduate Institute, Geneva since 1991 and Director of Centre of Economic Policy Research (CEPR), London. Address: 2A Eugène-Rigot str., CH 1211 Geneva, Switzerland.

Email: richard.baldwin@graduateinstitute.ch

Abstract

The book is devoted to globalization, which has dramatically changed in the 1990s, according to Richard Baldwin, mainly because of transformations in information and communication technology (ICT), resulting in a significant decrease in the costs of moving ideas. This shift indicated a new stage of development of globalization processes and caused a convergence of developed and developing states. This book includes five parts, which discuss the history of globalization, the economics of globalization, the states' designs of a national policy, and forecasting its future.

The *Journal of Economic Sociology* publishes the introduction to the book, in which the author presents the main idea of his manuscript. He justifies his new perspective on globalization, sequentially describing the processes that accelerate it, including the decreased costs of moving goods, decreased communication costs, and a reduction in moving people. Additionally, the author concludes how the presented changes in globalization affect national economies.

Keywords: globalization; information and communication technology; national economy; innovation; world competition; economic policy.

References

Baldwin R. (2006) *Globalization: The Great Unbundling(s)*. Finnish Prime Minister's Office. Economic Council of Finland. Available at: http://graduateinstitute.ch/files/live/sites/iheid/files/sites/ctei/shared/CTEI/Baldwin/Publications/Chapters/Globalization/Baldwin_06-09-20.pdf (accessed 12 November 2017).

Bhagwati J. (1997) The Golden Age: From a Sceptical South to a Fearful North. *The World Economy*, vol. 20, no 3, pp. 256–289.

Received: September 17, 2017

Citation: Baldwin R. (2017) Velikaya konvergentsiya: informatsionnye tekhnologii i Novaya globalizatsiya [The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 18, no 5, pp. 40–51. doi: 10.17323/1726-3247-2017-5-40-51